

Возможности и свершения

Заметки о спектаклях
Днепропетровского театра
имени М. Горького

действующие лица пьесы — инженеры Володя, Виктор и Клячина. Почти все герои произведения часто — к месту и не к месту — говорят о важности человеческой души. Не потому ли это, что внутренний мир персонажей не очень-то глубоко раскрыт? Писатель побоялся или не захотел придать высокий накал драматическому конфликту произведения, довести его до критической точки. Одного из героев пьесы — честного, прямого и принципиального Володю автор выключил из борьбы как раз в те самые горячие дни, когда решалась судьба проекта его «конкурента» Клячина (прием, к сожалению, часто применяемый в драматургии, когда автор не знает, что делать с героем).

Как же выглядит пьеса на сцене у днепропетровцев? Спектакль, как говорят, чистенький, аккуратно причесанный (порой слишком аккуратно, если иметь в виду излишне прилизанное художественное оформление З. Фукса), но, откровенно говоря, безликий. Постановка Б. Мешкиса мало чем обогатила пьесу, а в отдельных сценах и образах, пожалуй, даже обеднила.

Приятно следить за реалистически строгой, психологически убедительной игрой Е. Шершневой, создавшей внутренне наполненный образ врача Веры Александровны. Артистка хорошо доносит и материнскую, и гражданскую темы роли, ей удается очень тактично приглушить слащавые краски образа, представить свою героиню более мужественной и простой.

Доходчиво обрисовав и приемный сын Веры Александровны инженер Володя в исполнении Е. Зубовского. У актера мягкая, тонкая манера игры. Герою веришь, более того, симпатизируешь. Действительно, сценический Володя весьма и весьма мил. Но ведь мыслится он не только симпатичным, а и беспокойной, наступательной натурой, человеком, достойно представляющим передовую советскую молодежь. И, конечно, надо актеру глубже раскрыть и смятение души Володы. Ведь он терпит большие душевные испытания — теряет любимую девушку и чуть ли не разочаровывается в закадычном друге.

Актер О. Сытников ведет роль инженера-изобретателя Клячина с подкупающей непосредственностью, представляет своего героя увлеченным человеком, из числа тех самоотверженных людей, которые в общественном благе видят свое личное счастье и верят другим так же глубоко, как глубока их чистая душа. Все в Клячине — мешковатость фигуры, нескладность движений, доверчивость взгляда, ласковость интонаций —

соответствует существу образа.

Все, что делает на сцене артистка Л. Солнцева, подчёркнутому показу душевного целомудрия Ани. Ничто не раздражает в уверенной игре молодой артистки, но мало что по-настоящему захватывает.

Трудная творческая задача стояла перед исполнительницей роли Нины, чья судьба складывается куда сложнее, хотя, на первый взгляд, и удачней. Девушка с большим опозданием узнает, что не является родной дочерью Веры Александровны. Она любит и любима (причем сразу двумя изобретателями), сильно увлечена своей будущей театральной профессией. Но то, что должно быть какой-то одной краской, стало основным рисунком роли. Л. Вершинина при всех случаях и ситуациях выпячивает театральное начало своего образа, как бы все время «играет».

Хочется отметить корректную игру В. Косова в роли инженера Виктора, хотя его героя несколько пресноват. Дядя Виктора — Александр Григорьевич (артист А. Абрамов) больше резонерствует, чем мыслит и чувствует. Другие персонажи аттестуют его как сосредоточенного в себе, даже мрачноватого человека. А он на сцене почему-то все время широко улыбается. Не видно в нем тех больших интеллектуальных и душевных качеств, за которые бы его выбрала советчином такая умная и проницательная женщина, как Вера Александровна.

Мало жизненной конкретности и в отце Виктора, роль которого играет В. Ковальский. Очень уж поверхностен и схематичен этот «злой гений» своего сына. А роль матери Виктора — Елены Юрьевны — трактуется артисткой М. Мак слишком прямолинейно, енаигрышем, с нажимом. Она воинствующая мешанка, духовно убогая личность, но неужели только истерическим криком и вульгарными манерами обличается обывательщиной?

Окрыленности, поэтичности, самобытности явно не хватает спектаклю.

Выходит, театр способен создавать значительные сценические произведения, но допускает в своей творческой практике просчеты. Зритель вправе ждать от такого квалифицированного коллектива глубоко содержательных, эстетически богатых спектаклей.

А то, что это под силу коллективу, явствует из его лучших постановок, из его стремления расширить репертуар за счет пьес, создаваемых в театре, в творческом содружестве с местными драматургами. Сейчас горьковцы, например, работают с днепропетровским автором С. Смудянской над ее пьесой «Огонек» — о месте человека в рабочем строю, о борьбе крылатой возвышенной мечты с куцыми мешанскими представлениями. Хочется надеяться, что спектакль этот обогатит репертуар театра.

Иосиф КИСЕЛЕВ.

НЕ впервые Днепропетровский театр имени М. Горького творчески отчитывается перед общественностью Киева.

Театр этот всегда отличался серьезностью своих идейно-творческих позиций и художественных решений, крепким актерским составом, мыслящей режиссурой. С чем же он нынче приехал в Киев?

Спектакль «Сын века» И. Куприянова, поставленный И. Кобринским, характерен хорошо сыгранными ролями многих действующих лиц, начиная от парторга строительства Большакова и кончая разгульной Настей Булановой. Но этим не исчерпываются положительные качества постановки. Во многом традиционная, не очень-то новаторская, она ценна и важна своей жизненной атмосферой, атмосферой наших дней, когда повседневная забота о живом человеке пронизывает все происходящее в стране. Эта мысль, думается нам, и оплодотворяет сценическое действие. Следить не столько за внешней стороной столкновений парторга Большакова с самоуверенным, переориентирующим себя начальником строительства Прокофьевым (что, кстати сказать, уже не раз показывалось в том или ином виде на сцене), — сколько за мотивами и причинами борьбы двух советских людей, одинаково преданных делу, но по-разному смотрящих на вещи. Один — весь с народом и для народа, другой — видит только цель и не очень-то разобравшись в средствах, оперирует больше цифровыми показателями, нежели людьми.

Духовный, нравственный пафос жизненно убедительных коллизий пьесы хорошо доносится театром, много сделавшим, чтобы на сцене зажила достоверная, не приукрашенная и не утрированная жизнь, чтобы «делатели» этой жизни были представлены во всем своем душевном богатстве и психологической сложности.

И в этом спектакле можно встретить только внешне обрисованных персонажей, излишнюю акцентацию, прямолинейные истолкования, утрату художественной меры. Но постановка в целом утверждает эмоциональными средствами нравственные достоинства советского человека, борется за эти достоинства, заставляет подумать об истинной ценности человеческого существования и жизненном идеале.

Собственно говоря, о человеческом достоинстве говорится и в другом спектакле днепропетровцев, поставленном по пьесе И. Шкура «Диплом на звание человека» («Успех»). В самом названии довольно прозрачно раскрывается авторский замысел. На судьбах и поведении своих героев автор стремится показать, что из всех дипломов, защищаемых нашими людьми в жизни, самый важный — диплом на звание именно советского человека, с его коллективистской психологией, высокими нравственными принципами, последовательностью и бескомпромиссностью.

Нельзя сказать, чтобы в пьесе этот благородный замысел решался художественно совершенными средствами. Пытаясь заглянуть в людские души, драматург все же больше толкует о технических преимуществах проектозного комбайна, которым заняты центральные